

Марк Рабинович

Приговоренные к жизни

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.6
ББК 84(2)6
Р12

Рабинович М.

Приговоренные к жизни / Рабинович М. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 80 с.

ISBN 978-5-532-96309-2

В палате израильской больницы встречаются постаревшие узник гетто и бывший палач-эсэсовец. Палач предлагает узнику судить себя и его жизнь, которую он прожил совсем не так, как начал. Из разговоров и споров, которые они ведут на протяжении двух дней, выясняется, что каждый из них прожил чужую жизнь. И вскоре уже непонятно, кто кого судит.

ISBN 978-5-532-96309-2

© Рабинович М., текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Больница "Ланиадо", Нетания, Израиль, 1998	5
Понары, Литва, 1942	17
Больница "Ланиадо", Нетания, Израиль, 1998	20
Хутор близ Игналина, Литва, 1942	24
Большая Хоральная Синагога, Ленинград, 1950	29
Больница "Ланиадо", Нетания, Израиль, 1998	33
Средиземное море, ввиду Порт-Саида, международные воды, 21 октября 1967	37
Больница "Ланиадо", Нетания, Израиль, 1998	40
Больница "Ланиадо", Нетания, Израиль, 1998	45
Понары, Литва, 1942	48
Больница "Ланиадо", Нетания, Израиль, 1998	49
Где-то в Померании, 1944	50
Потсдам, Германия, 1947	55
Н-ское высшее артиллерийское командное училище, 1949	58
Окрестности Эль Мансура, Египет, 1970	63
Колпино, Ленинградская область, 1973	67
Понары, Литва, 1942	74

Copyright © 2019 by Mark Rabinovich

*Коллаж на обложке создан автором и использует фотографии
с сайтов:*

<https://creativecommons.org> – CC0 license

<https://pixabay.com> – no license needed

Приговоренные к жизни

Больница "Ланиадо", Нетания, Израиль, 1998

Как ни отмывай, как ни дезинфицируй каждый квадратный сантиметр, все равно в больнице остается слабый, едва уловимый, но явственный запах. Вот человека приводят в комнату со светлыми стенами, дают порцию разноцветных таблеток, колют иглами, мнут умелыми руками. Тогда человек выздоравливает и быстро покидает светлую комнату стараясь не задержаться ни на минуту более чем нужно. Он торопится, его подталкивает тот едва уловимый, на уровне подсознания, запах. Павел Семенович называл его про себя "запахом безнадежности". Возможно, думал он, его оставили те, кто ушел отсюда в свой последний путь. Должно же хоть что-то остаться от человека. Павла Семеновича этот запах не беспокоил. Да и может ли игра подсознания смутить кадрового офицера, правда уже бывшего? Не смущала его, полежавшего, в свое время, в гарнизонных госпиталях, и переполненная палата. Он не так давно жил в Израиле, но был наслышан о том, что в стране почти не строят новых больниц, по-видимому – из-за нехватки земли под строительство. Поэтому больницы росли вверх и во все стороны, обрастая самыми немыслимыми пристройками. Умиляли и эти коридоры, идущие в непредсказуемых направлениях, и лестницы, поднимаясь по которым, ты вдруг оказывался в совершенно другом здании, и верхние этажи, удивительным образом переходящие в подвалы. Да, эта архитектура была рассчитана на крепкую психику, впрочем, Павел Семенович на нервы не жаловался. Он вообще не жаловался на здоровье и справедливо считал себя крепким стариком, пока однажды их семейный врач, укоризненно покачав головой, не предложил Павлу Семеновичу, как он выразился – "немного понаблюдаться". Никогда бы он сам не согласился "понаблюдаться", но жена настояла, и вот он здесь, в палате на троих, в которую еще добавили одну кровать и уложили на нее пожилого араба. Араб был, судя по количеству

навещающих его родственников, из самой глухой деревни, иврита не знал, общаться с ним не было никакой возможности. Да и не с моим ивритом общаться, думал Павел Семенович, оглядывая соседей по палате. Йеменец¹ средних лет на койке слева только постанывал после операции и почти все время спал. А последний сосед, получивший самую лучшую койку – у окна, тоже не подавал признаков жизни, отгороженный глухой занавеской.

Поэтому, когда дежурная медсестра, предложила ему перейти в другую палату, он не только не возражал, но даже обрадовался. Медсестра была симпатичной марокканкой средних лет, с которой Павел Семенович немного, в рамках приличия и знаний языка, флиртовал от скуки. Любой флирт, даже самый невинный, не исключает прагматического интереса. Был такой и у Павла Семеновича. От медсестры, которая ему явно благоволила, он узнал, что уже пришли его анализы, ничего у него не обнаружено, и от выписки его отделяет только пара-тройка формальных проверок, которые, однако могут занять день или два, а там уже наступит суббота, так что куковать ему здесь по крайней мере до воскресенья. Фамилию Павла Семеновича она выговаривала очень смешно – Буколов², коверкая первую букву и делая ударение на последнем слоге. А может быть это, в своем роде, возвращение к истокам, подумал Павел Семенович? Ведь жена же объяснила, что их фамилия имеет греческие корни и созвучна слову "буколический".

– Какие истоки, Вуколов ты липовый? – тут-же подумалось ему, но на эту тему он запретил себе думать много лет назад и привычно загнал ненужную мысль поглубже в подсознание.

В новой палате было полутемно, и Павел Семенович, невольно замедлив шаги, вошел, даже прокрался, незаметно, стараясь не делать лишнего шума. И напрасно – новый сосед не спал, из совсем уже темного угла, в котором стояла его кровать, доносились негромкие гитарные аккорды. Немного хрипловатый голос напевал:

¹ "йеменец", "марокканец" и т.п., – еврей соответствующего происхождения.

² Пример неоднозначности чтения иностранных слов, написанных ивритскими буквами.

*Снег упал на базальтовый склон
...поседали дома
Я в недолгий мороз влюблен
...на Голанах³ – зима
Запорошенный шрам скалы
...снег не падает вниз
Лишь пятнают его следы
...обезумевших лис
Ночь разбрызгала белый свет
...на унылом плато
И звезда покивает вслед
...если что-то не то
Голубые сугробов горбы
...сторожат вдоль дорог
И таинственный свет луны
...необычен и строг
Но недолгий зимы покой
...не продлится и дня
Полдень выплавит солнца зной
...обнажится земля
И последний снежок зимы
...унесется один
Посылая глоток воды
...ожиданию равнин
Я безмолвно печаль несу
...эта ноша легка
Снег упал на мою судьбу
...и не стоял...пока*

Неизвестный больной, лицо которого скрывал полумрак дальнего конца комнаты, пел хоть и неумело, но с чувством, и Павел Семенович невольно заслушался. Слова песни певец произносил чисто и свободно, но натренированный слух старого артиллерииста сразу определил, что русский исполнителю не родной. Акцент,

³ Голанские высоты

почти незаметный, тоже был каким-то странным. Это не был ни говор хорошо поживших на Ближнем Востоке израильтян, которые тянут звуки в паузах, ни русский язык американских евреев, которые забавно смягчают окончания, ни акцент местечковых ашкеназов⁴ со смещенными ударениями. Павлу Семеновичу этот необычный говор был, казалось бы, совсем незнаком и, в тоже время что-то смутно напоминал где-то там, на самом краю подсознания.

Но тут гитарные аккорды прервались и он поспешил сказать: "Не помешаю?"

– Мир входящему... – донеслось из угла.

– Мне сказали что вы сами хотели соседа. А то неудобно как-то. Была отдельная палата, а теперь....

– Все верно. Видите-ли – как-то неуютно умирать в одиночестве – Это прозвучало неожиданно, и Павел Семенович машинально пробормотал:

– Ну что вы так. Выглядите вы совсем неплохо.

– Я тоже так думаю. Но у моих почек, знаете-ли, сложилось свое мнение. Впрочем, против трех-четырех месяцев они не возражают – послышалось из угла. В голосе нового соседа сквозила ирония, направленная впрочем явно не на Павла Семеновича. Зато теперь стала понятной и довольно просторная палата на двоих и непонятное смущение медсестры, предлагавшей ему перевод. Отступать было не в привычках отставного артиллериста, да и не было у него никаких предубеждений, а уж умирающих он навиделся за свою долгую жизнь. К тому же сосед по палате был, очевидно, неординарным человеком, пробуждающим несомненный интерес. Совсем уже не зная, что сказать, Павел Семенович пробурчал:

– Извините...

– За что? Это вы извините, что так ошарашил. И, если не хотите соседствовать с умирающим, то я вас пойму и не обижусь.

Лицо говорившего оставалось в тени, но голос звучал четко и ясно. Акцент тоже, казалось бы исчез, или просто Павел Семенович перестал его замечать.

⁴ Евреи европейского происхождения.

– Я вообще-то бывший военный, кое-где бывал и кое-что там видел – Павел Семенович понемногу приходил в себя – У вас-то, по крайней мере, руки-ноги на месте, простите за цинизм.”

– Ой, да бросьте вы извиняться! Я хоть в армии и не служил, зато за 30 лет в стране тоже кое-что повидал – голос соседа был по прежнему ироничен, но это более не настораживало Павла Семеновича, скорее начинало казаться естественным.

– Ну тогда позвольте представиться – Павел Семенович Вуколов – пробормотал он, еще не совсем оправившись от смущения.

– Очень приятно – последовала небольшая пауза и сосед сказал:

– Имя вроде не совсем еврейское?

– Вообще-то я еврей по жене – эту формулировку Павел Семенович придумал сам и очень ей гордился как самым верным и коротким объяснением его статуса. Не будешь же всем и каждому рассказывать что жена у тебя еврейка, а сам ты гой⁵ необрезанный. Последнее, впрочем было не совсем верно, и пару раз вызывало непредвиденные вопросы в гарнизонной бане, но на этот случай у Павла Семеновича была придумана весьма правдоподобная история про дедушку-татарина.

– Nobody’s perfect⁶ – послышалось из угла.

– Что, позвольте? – сказано было, похоже, по английски, а английским Павел Семенович не владел. В послевоенном артиллерийском училище языком “вероятного противника” по инерции считался немецкий, который давался ему легко, подозрительно легко, хотя курсант Вуколов всячески старался, чтобы его успехи в немецком не слишком бросались в глаза.

– Да так, ничего... А здесь вы по какому поводу? Тоже последняя остановка?

Разговор начал переходить в стандартное медицинское русло и Павел Семенович почувствовал себя увереннее:

⁵ Не еврей (идиш, иврит).

⁶ Заключительная фраза из фильма “Some like it hot” (1959). В советском прокате – “В даже только девушки”.

– Нет, мне вроде-бы приговор отменили. Теперь жду результатов анализов. Вот вы сказали "последняя остановка"?

– Еврейский юмор, знаете-ли.

– Знаю, как не знать. Смех сквозь слезы. Только это и спасало нас в гетто – сказал Павел Семенович и тут же пожалел об этом.

– В гетто? В каком гетто? – в голосе соседа прозвучало и недоумение и любопытство.

– В вильнюсском гетто... – Павел Семенович подумал и решил, что отступить уже поздно. Да и все равно никто не поверит.

– Про Понары⁷ слышали? – спросил он.

Голос соседа, еще недавно не по старчески звонкий, теперь звучал глухо и напряженно:

– Кто же не слышал – похоже, он отвернулся от собеседника, хотя полумрак не позволял это увидеть.

– Ну не скажите... Многие не слышали, а иным – все равно.

Павла Семеновича несколько насторожила странная реакция человека в тени. Но голос соседа снова стал звонким и ироничным:

– Тут иных нет... Но я не совсем понимаю. Вуколов Павел... Семенович? И вильнюское гетто, Понары. Как-то не очень...

На слове "Понары" он запнулся, как будто что-то мешало ему выговорить это, казалось бы, совершенно обычное название. Не договорив фразы, сосед ждал реакции собеседника. Напряженная тишина казалось растекалась по комнате. Нехотя, почти против своей воли Павел Семенович сказал:

– Долгая история. Я ведь не всегда был Вуколовым.

– Я бы послушал долгую историю – голос продолжал звучать четко, но нотки иронии куда-то исчезли.

– Это не так уж интересно, да и мне не не слишком приятно. Быть жертвой – не самая приятная роль.

Павел Семенович решительно не понимал, куда заведет его странный разговор, но и отступать не собирался.

– Что может быть хуже? – спросил он, не ожидая ответа. Но ответ немедленно последовал:

⁷ Поселок под Вильнюсом, место массового расстрела евреев.